

Перевод: Simlirr

Редактор: Naides

Они утихли лишь к полуночи. Минлань к тому времени была полностью вымотанной. Она безвольно лежала на кровати, чувствуя, как её глаза закрываются. Ей совершенно не хотелось шевелиться даже несмотря на то что она была покрыта потом.

Гу Тинье, в свою очередь, провёл годы, бродяжничая, и из-за этого не испытывал особых потребностей в принятии ванны. Единственным, что ему хотелось делать, было целовать и обнимать спящую рядом девушку. Минлань спала очень крепко.

Ей снилось, как она проходила военную подготовку в колледже, где ей нужно было вставать по команде и маршировать по восемь часов в день. После такого она всегда засыпала в тот же самый момент, как её голова касалась подушки, и чувствовала себя так, словно её сильно избили. У неё болели ноги и поясница, часть костей ощущалась так, словно они были смещены со своих законных позиций, а голова была словно набита ватой. Засыпая, Минлань пожалела, что у неё нет кнопки быстрой перезагрузки.

Минлань проснулась на рассвете из-за того, что ощутила давление. Она открыла рот и жадно вздохнула, словно рыба, вытащенная из воды. Ощупав разбудивший её предмет, она поняла, что на её живот сейчас давила огромная тяжёлая нога. Из-за этого Минлань мгновенно пришла в ярость. Ей захотелось расцарапать лицо лежавшего рядом с ней человека, но к этому моменту Гу Тинье тоже проснулся и, судя по всему, был вполне готов для «утренних упражнений».

Однако Минлань лежала плашмя на животе, словно черепашка, и зарылась лицом в подушку. Вместо того чтобы переворачивать черепашку, Гу Тинье просто приподнялся и принялся целовать её спину, медленно спускаясь вниз. От его щетины её нежная кожа жутко чесалась. От того, что он придавил её, Минлань едва не задохнулась.

Изо всех сил сдерживаясь, чтобы не возмутиться в голос, она повернула голову и с трудом произнесла:

— Слезь с меня, мне трудно дышать.

Гу Тинье, явно пребывавший в хорошем настроении, усмехнулся, откатился в сторону и обнял свою милую жену, подтащив её к себе. Минлань, чьё лицо оказалось на уровне его груди, тяжело дышала. И, видя, что он пребывает в хорошем настроении и даже смеётся, не сдержавшись, ударила его в грудь обеими кулаками, но лишь почувствовала боль, ударившись об его твёрдые мышцы. Вскрикнув от боли, Минлань возмутилась:

— Убери с меня свои руки! Мне нужно найти мазь от ушибов!

— Не беспокойся, дорогая, мне совершенно не больно, — радостным тоном ответил Гу Тинье.

— Зато мне больно! — рявкнула Минлань.

Будучи человеком, прошедшим два самых беспокойных места в мире, армию и подпольный криминальный мир, и сделав себе имя в обоих, Гу Тинье, как и ожидалось, понял её неправильно.

— Не беспокойся, скоро там болеть не будет, — полным обожания тоном произнёс он, уткнувшись носом в её щёку.

Минлань потребовалось некоторое время, чтобы осознать, что именно он имел в виду. Но, когда до неё дошло, она посмотрела на него и гневно воскликнула:

— Не там!

— Тебе что, не было больно? — глаза Гу Тинье загорелись ожиданием. Любопытство в его тоне смешивалось с восторгом, а его рука тут же опустилась на бедро Минлань.

Минлань едва не задохнулась от гнева.

Вложив все свои силы, она оттолкнула его руку, чувствуя, как всё её тело отзывается болью.

— Даже не думай! — воскликнула она.

Сквозь неплотно задёрнутые занавески в комнату пробивался яркий солнечный свет. Луч света упал прямо на лицо Минлань и Гу Тинье сумел хорошо его рассмотреть. Она была бледной, как снег, и выглядела измученной. Под её глазами явственно виднелись тёмные круги, а сами глаза источали гнев и обиду, но всё равно были очаровательны.

Это так тронуло Гу Тинье, что он взял её за руку и принялся легонько дуть на её ушибленные пальцы, периодически поглядывая на неё.

— Ну... эм... нам всё ещё предстоит прожить жизнь вместе, — спустя некоторое время пробормотала Минлань. Её голос становился всё тише и тише и под конец она чуть ли не шептала.

Гу Тинье рассмеялся и обнял Минлань. Он принялся тискать и целовать её, периодически посмеиваясь. Вскоре их прервала служанка, позвавшая из-за двери:

— Второй господин, вторая госпожа, пора вставать!

Минлань потребовалось некоторое время, чтобы осознать, что служанка обращается к ней. Поняв это, она поспешила подняться с кровати, слыша позади себя хихиканье Гу Тинье. Вновь сжав руки в кулаки, она стукнула его по широким плечам и принялась тихо, но возмущённо отчитывать его:

— Хватит смеяться! К нам пришли! Прекрати! Ты что, не слышишь? Прекрати, или я позову стражу, и они схватят тебя!

Когда-то Яо Ии пугала этой фразой своего четырёхлетнего племянника, только изначально фраза звучала как «хватит плакать, или я позову полицейского, и он поймает тебя». Но сейчас, в критической ситуации, она забылась и старая фраза сама собой вырвалась у неё.

Гу Тинье рассмеялся ещё громче, так сильно, что аж затрясся от смеха. Он был настолько большим, что она легко могла поместиться в его тени, но сейчас она не удержалась и вцепилась в него зубами, словно маленький зверёк, угрожающе размахивая руками. Однако она вовсе не выглядела угрожающе. Напротив, это выглядело очень мило. Подразнив её ещё немного, Гу Тинье, наконец, успокоился и позвал слуг, чтобы те помогли им умыться и одеться.

Старшая служанка Цуй, заранее готовая к этому, тут же позвала Данцзюй и Сяотао. Они надели на Минлань длинную накидку и отвели её в соседнюю комнату, где её ожидала набранная ванна. Затем старшая служанка Цуй позвала остальных слуг. Те вошли в комнату, держа в руках бадьи, ведра и полотенца и разделились на две группы, чтобы по отдельности обслужить Минлань и Гу Тинье.

Помывшись и переодевшись, Минлань вернулась в комнату и обнаружила там Гу Тинье, который к этому времени тоже успел помыться. Сяхэ расчёсывала и укладывала его волосы.

Видя, что они закончили, одна из старших служанок подошла к постели и внимательно осмотрела её. Увидев на шелковых простынях следы крови, она улыбнулась и, аккуратно сложив ту, положила её в красно-золотую деревянную коробочку.

Одежда молодожёнов в первый день после свадьбы была очень важна. Минлань была одета в красную парчовую накидку, расшитую золотистыми пионами. На ней было множество украшений: большая золотая заколка в форме фениксов, обращённых к солнцу, инкрустированная рубинами; серьги из красного коралла с золотистыми кисточками; два ожерелья из золота и нефрита с узорами из рыб, приносящих удачу; и примерно семнадцать-восемнадцать золотых браслетов с узорами в виде драконов и фениксов. Минлань казалось, что сама она меркнет на фоне всех этих украшений.

К тому же, после случившегося вчера ночью у неё всё ещё ныло всё тело. Каждое её движение из-за боли было скованным и выглядело жалким.

Служанка Цуй, припомнив все синяки, что успела заметить на теле Минлань, посмотрела на Гу Тинье недобрым взглядом.

Гу Тинье же, в свою очередь, был одет в ярко-алую праздничную накидку с закрученным золотистым узором из цветов, спускавшимся с одного из плеч. Он был подпоясан поясом цвета древесной смолы, украшенным нефритом. Он стоял у ростового зеркала, а Сячжу поправляла его одежду.

Бросив на него беглый взгляд, Минлань не смогла сдержать некоторого восхищения.

«Столь яркий красный цвет, подобный бушующему пламени, всегда ассоциировался у людей с женственностью, но на удивление, когда в одежду такого цвета одет столь высокий и широкоплечий мужчина, это нисколько не убавляет его мужественности. Напротив, это создаёт какую-то властную ауру вокруг него».

Заметив через зеркало, что Минлань смотрит на него, Гу Тинье обернулся и улыбнулся ей. Окинув её взглядом, он произнёс:

— Ты выглядишь прекрасно.

Глаза Минлань были хитро прищурены, но в целом её лицо было серьёзным. Кивнув, она тихо ответила:

— Ты тоже хорошо выглядишь.

Заметив взгляд Минлань, Гу Тинье притворился испуганным, а Минлань в ответ виновато улыбнулась. В следующее мгновение, они почувствовали, что барьеры между ними рушатся. Видимо, в мире действительно существовали люди, способные сблизиться всего за одну ночь.

Все слуги, присутствовавшие в комнате, стояли с опущенными головами и ничего не говорили. Однако было понятно, что все они были поражены до глубины души.

«Наша госпожа так легко сблизилась с генералом Гу», — думали слуги из поместья Шэн.

«Второй господин никогда не был так добр к кому-либо», — думали слуги из поместья Гу.

Несколько служанок украдкой поглядывали на Минлань, думая: «Новая вторая госпожа так прекрасна и очаровательна, второй господин наверняка будет обожать её».

Согласно традициям, на первый день после свадьбы молодожёны должны были выразить почтение старшим, после чего познакомить жену с родственниками мужа. После этого они отправятся в храм предков семьи Гу и впишут имя Минлань в семейное древо.

После этого они могли пообедать. Правила в поместье хоу Нинъюань могли слегка отличаться, поэтому Минлань сразу спросила Гу Тинье о том, что им предстоит сегодня сделать. Однако он всего лишь ответил:

— Для начала, нам стоит выразить почтение родителям.

Его слова были загадочными и двусмысленными. Во-первых, его отец был давным-давно мёртв. Во-вторых, его мать умерла ещё раньше. Единственным, кого он мог назвать родителем, сейчас была его мачеха, но Минлань слышала, что он пребывал с ней в не особо-то хороших отношениях, поэтому этот ответ озадачил её.

Как в таких обстоятельствах ей следовало трактовать слова её нового «начальника»?

Пока Минлань раздумывала об этом, в комнату вошла старшая служанка, одетая в тёмно-коричневую полосатую парчовую накидку.

Служанки в двери поприветствовали её, поэтому Минлань узнала, что её звали служанка Сян. У неё была светлая кожа и добрый взгляд. Войдя в комнату, она сразу же поклонилась Минлань и Гу Тинье и с улыбкой сообщила:

— Второй господин, вторая госпожа, пожилая госпожа велела передать, чтобы вы сначала отправились в храм предков, чтобы воздать дань уважения пожилому господину и пожилой госпоже Бай. Она встретит вас там.

— Спасибо, передай, что мы скоро будем, — с улыбкой ответил Гу Тинье. Его улыбка была добродушной, но глаза при этом оставались холодными.

Минлань велела Данцзюй подарить старшей служанке Сян красный конверт. Та приняла его, лучась счастьем, после чего вежливо попрощалась с Минлань и Гу Тинье. Тот бросил на Минлань многозначительный взгляд, из-за чего ей показалось, что она обошлась со служанкой Сян слишком приветливо. Затем они отправились в храм предков, сопровождаемые толпой народу.

Храм предков был местом, где были выставлены мемориальные таблички всех предков семьи, чтобы потомки могли прийти и помолиться. В древние времена родители имели огромное значение в жизни людей. Считалось, что чем больше мемориальных табличек хранилось в храме, тем более почтенными были предки этой семьи. Также это означало, что семья существовала уже долго и, вероятнее всего, была выдающейся.

Когда Минлань приходила выразить почтение предкам в Юяне, она внимательно посчитала все таблички в зале предков семьи Шэн, поскольку ей было слишком скучно стоять там на коленях. В результате, она с удивлением отметила, что семья Шэн недаром считалась зажиточной и уважаемой. Они были самой большой семьёй в своём родном городе.

По словам Пиньлань, их предок, родоначальник семьи Шэн, был безродным попрошайкой. Однажды он услышал слова странствующего предсказателя.

«Вскоре настанут времена мира и процветания», — сообщил он ему. Когда он и другие попрошайки услышали это, они внезапно обрели надежду. И лишь благодаря этому родоначальнику семьи Шэн удалось выжить. Именно из-за этого он взял себе фамилию Шэн, что означало «процветание». Однако Пиньлань, скорее всего, придумала девяносто процентов всей этой истории, потому что ей было скучно стоять на коленях в храме предков.

Согласно реальной истории, родоначальник семьи Шэн потерял своих родителей ещё в детстве и действительно стал попрошайкой, однако считалось, что он никогда не забывал имён своих родителей. Однако он не помнил имён предыдущих поколений своей семьи, и он не решился на поступок в духе главнокомандующего Вея, который велел своей жене подделать все имена предков до третьего колена и представить их императору, чтобы получить должность чиновника. Поэтому, хоть семья Шэн и была большой, поколений в ней было немного.

Кажется, даже менее семи. Из-за этого, когда Минлань оказалась в храме предков семьи Гу, она тут же ощутила некое чувство неполноценности.

В этом зале было множество высоких колонн, а вся северная стена была отдана под алтарь и была целиком покрыта табличками. Каждая табличка была примерно двадцать-двадцать три сантиметра в высоту и, судя по тому, как они были расположены, в семье насчитывалось семнадцать или даже восемнадцать поколений.

У Минлань перехватило дыхание, когда она увидела множество табличек.

<http://tl.rulate.ru/book/5280/1464586>